

Глава 24. Воссоединение

Эта схватка выходила далеко за рамки привычного представления о войне шиноби.

Под непрерывный, оглушительный грохот гигантские стопы крушили вековые деревья, превращая процветающий лес в иссечённую трещинами пустошь. Демоническая статуя Внешнего пути схлестнулась в рукопашной с титаническим самураем, в которого воплотился Хатаке Сакумо. Сорванные кандалы на запястьях статуи со скрежетом принимали на себя удары исполинского клинка, а тяжеловесные кулаки размером с холм обрушивались на воина в ответ. Самурай действовал куда быстрее и изящнее, однако уступал монстру в чистой мощи: даже встречая выпады лезвием, он вынужден был отступать под натиском сумасшедшей силы, теряя возможность для контратаки.

Очередной дикий удар отбросил самурая назад, пропахав в земле глубокие борозды. На сей раз, однако, духовный исполин не ринулся в новую атаку. Он размеренным, хищным движением убрал клинок в ножны и припал к земле, принимая стойку для молниеносного выпада.

Бам! Бам!

В небесах раскатисто вдарили два барабанных грома, отзывавшихся сухим треском электрических разрядов. Нависшая грозовая туча сгустилась ещё сильнее. За спиной самурая из восьми кружащих барабанов первые два — самые нижние — вспыхнули слепящим лазурно-белым светом, а золотые томоэ на их поверхности сменили цвет. Такая же ослепительная молния зазмеилась по правой руке воина, сжала рукоять и, обвив ножны сплошным сверкающим коконом, полностью поглотила оружие.

Бум!

Земля содрогнулась под тяжестью рывка: на месте стойки остался дымящийся след, а сам самурай уже нёсся к статуе, подобно сброшенной с тетивы стреле. Клинок вырвался из ножен. Объятое громом лезвие с бешеной скоростью рванулось к шее исполина. Демоническая статуя не успела уклониться — из её пасти хлынул водопад тяжёлых цепей, выставивших заслон. Удар принял на себя металл; смертоносный выпад удалось сдержать, однако на этот раз перевес в силе оказался на стороне Сакумо. Статуя качнулась и, спотыкаясь, отступила. Воин не намеревался давать противнику передышки: сократив дистанцию, он обрушил на Гедо Мазо неистовый, подобный урагану шквал ударов.

На самом краю поля боя, где лесной массив ещё не превратился в щепки, на землю опустился Обито. Он смотрел на битву гигантов, не в силах вымолвить ни слова от немого восторга и ужаса. Ни в самых смелых фантазиях, ни в старинных преданиях ему не приходилось видеть ничего подобного. Пусть зрение, утомлённое недавним призывом Сусаноо, то расплывалось, то прояснялось вновь, он отчётливо ощущал колоссальные объёмы чакры, висящие над полем боя, и нечеловеческую мощь каждого удара.

Среди шока и смятения в его душе затеплилась хрупкая надежда:

«Неужели мы сможем победить?»

Ладонь отозвалась острой болью, заставив Обито вздрогнуть и очнуться. Это Цунаде прикоснулась к нему, активировав медицинскую технику. Повернув голову, юноша увидел лежащую рядом Кусину — она всё ещё находилась без сознания, но к бледным щекам уже возвращался едва заметный румянец.

— Этот мир куда шире и опаснее, чем ты привык думать, малец, — тихо произнесла Цунаде. — Запомни этот день. Тебе стоит привыкать: впереди нас ждёт ещё немало подобного безумия.

В каком-то смысле её слова звучали запоздало. Разве могло быть в этом мире что-то безумнее встречи с самим собой из будущего — с тем, кто превратился в чудовище, вознамерившееся уничтожить всё живое?

— Что это за техника? — с трудом переведя дыхание, спросил Обито. — Я думал, уникальным оружием клана Хатаке всегда был лишь тот короткий клинок...

— В мире куда лучше знают имя Белого Клыка, это правда, — Цунаде не прерывала лечения. — Неудивительно, что ты никогда не слышал об этом мече. Даже я знала о нём лишь из старых легенд. Говорят, в последний раз его обнажали ещё в эпоху Воюющих царств... Задолго до основания Конохи.

Обито округлил глаза:

— Так давно?

— Клан Хатаке издавна был не ниндзя, а самураями. Современная Страна Железа хранит нейтралитет и не вмешивается в войны шиноби, но это соглашение оформили лишь на первом Совете Пяти Каге. А в те тёмные времена самураев точно так же затягивало в кровавый водоворот междоусобиц. Дед Сакумо по приглашению моего второго дедушки покинул Страну Железа и примкнул к альянсу во главе с кланом Сенджу. Вместе с женой и сыном он принёс в Страну Огня величайшую реликвию своего рода — легендарный меч Фуцу-но-Митама.

Бам! Бам!

Густой гул барабанов вновь разорвал воздух. Тьма накрыла небеса окончательно. Слепящие молнии одна за другой вонзались в землю вокруг демонической статуи и самурая, на мгновение выхватывая из мрака израненное тело монстра. Гедо Мазо окончательно теряла позиции: железо на её левом запястье разлетелось вдребезги, из рассечённого правого бедра хлынула тёмная кровь, а всё тело покрывала сеть глубоких ран. Врезанная в них стихия молнии выжигала плоть, не давая регенерации ни единого шанса. Монстр двигался всё медленнее,

беспомощно принимая удары.

Увидев это, Обито едва не подпрыгнул от охватившего его азарта:

— Значит, победа за нами?!

Однако на лице Цунаде не было и тени радости.

— Повалить статую — полдела. Следом останется Тоби. Это последний бой Сакумо. Пока действие схождения божества не иссякнет, он не позволит себе промахнуться.

— Что... что ты имеешь в виду? — Обито мгновенно уловил в её голосе скрытую горечь. — Что значит «последний бой»?

Рука Цунаде заметно дрогнула. Зелёное свечение Мистической Ладони погасло. Сжав кулаки до побелевших костяшек, она медленно поднялась на ноги.

— Госпожа Цунаде! — крикнул ей вслед Обито.

Бам! Бам!

Загорелись ещё два барабана. Из восьми теперь пылали шесть. Вокруг стоял ослепительный, нестерпимый свет. Из туч ударили молниеносные столбы толщиной с вековое дерево; падая на землю, они не гасли, а обращались в колоссальные призрачные клинки. Четыре, восемь, двенадцать... Шестнадцать гигантских мечей из чистого электричества встали кругом, заперев внутри самурая, извечного врага и стонущую демоническую статую.

Шквальный ветер закружил пыль и обломки. Вспыхнувшая между клинками электрическая сеть за долику секунды превратила поляну в непроницаемую клетку — сияющий эшафот, откуда не было выхода ни в небеса, ни под землю. Самурай застыл в центре этого адского круга. Он держал мечевую рукоять обеими руками, воздев оружие высоко над головой, и острие почти касалось нависших свинцовых туч.

— Не спускай глаз с Тоби, Обито! — твёрдо, чеканно произнесла Цунаде. В её голосе звучала жестокая решимость человека, сожгшего за собой все мосты. — Наступает развязка. Всё решится прямо сейчас! Не дай ему сбежать через Камуи!

Обито не ответил. Он смотрел на эту сияющую преисподнюю, на рухнувшую статую, на самурая-палача с занесённым мечом и на два оставшихся барабана за его спиной, которые пока ещё молчали.

И в эту секунду до него дошло.

— Госпожа Цунаде! — перекрывая рёв урагана и грохот разрядов, выкрикнул Обито. — Что произойдёт с Сакумо-саном, когда загорятся все восемь барабанов?!

В этот миг самурай пришёл в движение. Острые его меча, вбравшее в себя концентрированную силу грозы, с оглушительным треском рванулось вниз. Мир застлала сплошная белая пелена. Но за мгновение до того, как громовой удар поглотил всё вокруг, Цунаде обернулась.

Его Шаринган без труда прочёл движение её губ:

«Он умрёт».

Тоби казалось, что с самой первой минуты прибытия на этот проклятый остров всё шло наперекосяк.

Место встречи с отрядом Конохи оказалось той самой точкой, что годы питала его кошмары. Нелепая оплошность стоила ему глубокой ментальной травмы, позволив врагам заглянуть в самые тёмные уголки его памяти. Попытка вырвать Девятихвостого из Кусины провалилась из-за Обито, всплеснувшего в бой силу своего Сусаноо. А теперь даже Статуя Гедо, его неоспоримый козырь, встретила противника, чья сила превосходила все мыслимые пределы.

Оболочка Десятихвостого, впитавшая мощь шести хвостатых зверей, оказалась на грани уничтожения. В это невозможно было поверить, но факты были перед глазами.

Шестнадцать молниеносных клинков рухнули на землю не случайно. Даже у самого края леса Тоби оказался заперт внутри этой адской печи. Ему не нужно было проверять: стихия молнии пронизала не только воздух, но и пласты земли под ногами, исключая любую возможность уйти с помощью техники земляного подкопа. Прямо за его спиной возвышался один из мечей; даже на расстоянии Тоби ощущал, как плотная, нестабильная чакра готовится испепелить любое живое существо, дерзнувшее прикоснуться к ней.

Увидев, как исполинский клинок устремился к шее Демонической статуи, Тоби стремительно сложил ручную печать:

— Снятие!

Хлоп!

Гедо Мазо исчезла в клубах белого дыма, и страшный удар пришёлся по пустой земле, расколов плато. Пользуясь содроганием почвы, Тоби изо всех сил рванулся вверх. Белая вспышка застилала глаза, он не видел, что именно поднялось из подземных глубин, но колебания чакры подсказали: он только что разминул со смертоносной ловушкой.

«Это мой последний шанс», — пронеслось в его голове.

Статуя вернулась в убежище Амегакуре. Ей потребуется время на восстановление, но она уцелеет. Сейчас, пока ослепительный свет закрывает ему обзор, парень не сможет помешать ему применить Камуи. Стоит успеть укрыться в пространственно-временном измерении до того, как вспышка погаснет, и клетка останется ни с чем...

Свист!

Острый рассекающий гул за спиной заставил его замереть. Удар был слишком быстр, слишком точен. В воздухе уклониться было невозможно, и лишь мгновенно сработавшая неосязаемость спасла его от гибели. Будь на его месте кто угодно другой, его бы рассекло пополам.

«Проклятье!» — ёкнуло сердце Тоби.

Создатель этой грозовой бури сам не страдал от созданного им света. Сакумо всё прекрасно видел!

Не успел Тоби осмыслить эту мысль, как вслед за первым выпадом последовал второй. Огромное лезвие накрывало колоссальную площадь; в условиях ограниченного обзора Тоби не смел уклоняться прыжками и был вынужден непрерывно поддерживать сквозную форму. Белый свет постепенно рассеивался, выхватывая из сумрака очертания поля боя, и надежда на лёгкое бегство таяла с каждой секундой.

Самурай наконец опустил оружие. Свет погас. Лидер Акацуки вновь стоял на земле. Помимо уничтоженной маски и оторванной правой руки, новых увечий у него не прибавилось, но положение оставалось катастрофическим: он всё ещё был заперт в клетке.

Бам!

Загудел седьмой барабан. Тоби вскинул голову и встретился взглядом с маской демона. Из-под неё на него не мигая смотрели два пылающих ока, полных такой леденящей ярости, словно их обладатель поклялся испепелить его душу и развеять прах по ветру. Воин снова воздёл клинок к тучам. Небо затаилось, аккумулируя финальный, сокрушительный разряд. На поле боя воцарилась звенящая тишина — тяжёлая, осязаемая, предвещающая неминуемый конец.

Тоби перевёл взгляд на фигуры вдалеке. Обито и Цунаде оставались на своих местах. Они находились в нескольких сотнях шагов, но Тоби прекрасно знал: пока обзор чист, Обито способен в любую секунду перебить его технику своей собственной. Молодая версия его самого обладала двумя глазами и куда большей скоростью активации додзюцу. Сбежать под его надзором было немыслимо.

Неужели это конец?

Нет.

Оставалась последняя зацепка.

Последний, самый безумный риск.

Тоби вновь воззрился на воина. В отличие от прошлых непрерывных атак, тот застыл без движения, будто уверился, что добыче некуда деться, и теперь вкладывал все остатки сил в последний, смертельный выстрел.

Древние запретные техники — это всегда обоюдоострый клинок. Нанося урон врагу, они сжигают самого заклинателя. Хатаке Сакумо не был дзинтюрики, в его жилах не текла кровь Сенджу или Удзумаки. Он не мог повелевать подобной божественной мощью без страшной платы. С каждым новым зажжённым барабаном сила самурая возрастала, но эти барабаны были не просто источником энергии.

Они были отсчётом его жизни.

Тоби был убеждён: как только загорится восьмой барабан, с небес обрушится карающий Гром. И в том пламени сгорит не только жертва, но и сам палач.

«Какая ирония, Белый Клык», — с горькой ухмылкой подумал Тоби. — «Когда-то давно тебя заставили выбирать между жизнью товарищей и успехом миссии. А теперь ты сам оказался на этой чаше весов».

Ты удачлив, Сакумо. Потому что тот, кто принимает решение сегодня — такой же мягкосердечный дурак, каким был ты сам. Но ты и несчастен: последствия семи барабанов уже неизгладимы, а твоя мечта отомстить за Какаси так и останется неисполненной.

Зато он... он не повторит твою судьбу.

Тоби опустил взор на Обито. Пусть лица юноши было не разглядеть, Тоби знал: тот смотрит прямо на него.

«Я должен попробовать. Если ты поймёшь, чем заплатит Сакумо за этот удар... ты сделаешь правильный выбор. Я знаю это. Потому что я — это ты».

— Камуи!

Трёхлопастной узор в правом глазу пришёл в движение. Пространство у его лица закрутилось воронкой. У него оставалось не больше двух секунд до полного погружения в иное измерение, но эти секунды тянулись как вечность. Он смотрел на юную версию самого себя, ощущая, как

измерение поглощает его стопы, голени, туловище...

Наконец ушла и голова. Остался лишь правый глаз, удерживающий технику.

Обито продолжал сидеть на земле. До самого последнего мгновения он не сделал ничего.

Тоби выиграл этот спор.

Остров Мидзуното, три километра от главного поля боя

Остров Мидзуното пересекала широкая река, несущая свои воды к океану. Вблизи устья русло расширилось настолько, что на нём свободно могли разойтись два судна.

Для шиноби Тумана, привыкших сражаться на воде, это место было идеальной ареной.

Пятая Мидзукаге, Теруми Мей, стояла на коленях прямо на водной глади. По воде вокруг неё расходились мелкие круги. Девушка тяжело дышала, сжимая правое плечо: из глубокой, до кости, раны хлынула кровь, стекая по рукаву к самым кончикам пальцев.

В нескольких шагах от неё возвышался Хосигаки Кисаме. Покоящаяся на его плече Самехада хищно пощёлкивала чешуёй, слизывая с шипов тёмную влагу.

В самом начале битвы Мей вместе с Цунаде сдерживала Кисаме и Сасори. Им удалось уничтожить сильнейшую марионетку кукольника — Третьего Кадзекаге, но сама Мей оказалась отравлена. Когда подоспел Сакумо, она увлекла Кисаме за собой подальше от центра сражения, намереваясь сковать его боем и не дать прийти на выручку остальным Акацуки.

Хотя Цунаде успела ввести ей антидот, яд успел отравить организм: чакра подчинялась с трудом, утихая и сбиваясь в самые ответственные моменты. То, что ей удавалось сдерживать Монстра Скрытого Тумана до сих пор, было пределом её человеческих возможностей. Грохот битвы с главного поля боя долетал даже сюда; очевидно, там разворачивалась драка титанов, и ждать помощи было не от кого. Выигрыш времени оставался её единственным долгом.

— Похоже, это ваш предел, госпожа Теруми, — произнёс Кисаме. Известия с основного поля боя явственно заботили и его: несмотря на подчёркнуто вежливый тон, в голосе мечника проскальзывали нотки глухого раздражения. — Жаль. Спустя три года Деревне Скрытого Тумана снова придётся выбирать нового Мидзукаге.

Он вонзил Самехаду в воду и молниеносно сложил серию печатей:

— Стихия воды: Великая Акуля Торпеда!

В то же мгновение за спиной Мей раздался ещё один голос. Словно в зеркальном отражении, из воды по обе стороны от сражающихся вынырнули два исполинских водяных хищника. С рёвом они устремились навстречу друг другу, столкнулись в воздухе и разлетелись миллионами брызг, обрушившись на реку стеной проливного дождя.

Кисаме и Мей одновременно замерли в изумлении.

— Нет... — пробормотал нукенин Тумана. — Это не Мидзукаге. У неё бы не хватило сил на подобную технику. Кто здесь?!

— Стихия молнии: Цепь Молний!

Разорванный водяной вал рассекла ослепительная электрическая нить. Её концы удерживали два бойца в масках Спецназа Конохи — один из них явно был тeneвым клоном. Развив невероятную скорость, они мгновенно сократили дистанцию, направляя гудящий разряд прямо в грудь и живот Кисаме.

Грохот!

Взметнувшийся столб воды поглотил все три фигуры.

Мей смотрела на происходящее широкими от изумления глазами. От неожиданности она попыталась встать, но ноги подогнулись, и девушка качнулась назад. Чья-то сильная, уверенная рука вовремя поддержала её за спину.

— Не беспокойтесь, госпожа Мидзукаге. Я оперативник Анбу Конохи, прибыл по приказу Четвёртого Хокаге для оказания помощи.

Как только Мей обрела равновесие, незнакомец сразу же отступил. Девушка обернулась к своему спасителю:

— Благодарю. Ты появился как нельзя кстати.

— Пустяки, — отозвался тот, бросив короткий взгляд в сторону главного поля боя. — Как себя чувствуют госпожа Цунаде и госпожа Кусина?

— Мы слишком далеко, я не знаю подробностей, — качнула головой Мей. — Но судя по грому, там...

Она не успела договорить и резко развернулась.

Оба теневого клона были уничтожены. Кисаме полностью сдёрнул бинты с Самехады; мечевидный клинок голодно разверзал пасть, готовый поглотить любую чакру в радиусе досягаемости.

— Надо же, сколько гостей из Листа, — оскалился Кисаме, переводя взгляд с Мей на маску Анбу. — Что ж, продолжим—

— Хватит, Кисаме!

Четвёртый голос возник прямо из воздуха. Пространственная воронка раскрутилась рядом с мечником, и из неё появился Тоби. Мей заметила, как при виде прибывшего замерший перед ней Анбу едва заметно вздрогнул и застыл, будто поражённый громом.

— В каком же вы виде, господин Тоби, — прищурился Кисаме. — А где остальные?

— Какаси забрал Путь Ада, Сасори мёртв, — отрезал Тоби. Его взгляд приковался к фигуре в маске Анбу. — Это ещё кто?

— Подкрепление Листа.

— За первым придут другие. Подробности потом. Отступаем. Когда окажемся в безопасности, я отправлю Зетсу к Дейдаре, — Тоби схватил Кисаме за руку. — Уходим, пока есть время!

Пространство вокруг них закрутилось воронкой. Тела обоих нукенинов начали искажаться, готовые раствориться в Камуи—

Хлоп!

Техника телепортации мгновенно оборвалась, вернув всё в исходное положение.

Тоби вытаращил глаза. Это ощущение было ему слишком хорошо знакомо — именно так Обито сбивал его фокусировку. Но Обито находился в трёх километрах отсюда, обессиленный и израненный. Он не мог знать, где они, и тем более не успел бы добраться сюда. Мидзукаге на такое тоже не способна. Оставался только...

Лицо Тоби мгновенно одеревянело. Даже в вечернем полумраке было видно, как с его щёк сбегала всякая краска. Смертельно бледный, он медленно, со скрипом повернул голову к оперативнику Анбу. Его взгляд был готов прожечь фарфор маски, чтобы сорвать её и увидеть то, что скрывалось внутри.

— Ты... ты... — его голос задрожал от такой дикой, неукротимой судороги, какой он не испытывал даже тогда, когда собственными руками пронзил грудь Какаси. — Ка...

— С2! — раздался с неба неистовый вопль.

Огромный глиняный дракон, оглашая воздух клёкотом, камнем устремился вниз, изрыгая из пасти тучу мелких крылатых бомб.

— Получите, хм! — следом за своим творением на поле боя обрушился Дейдара. — Лидер, Кисаме, уходите!

Сложив печать правой рукой, он выкрикнул:

— Искусство — это взрыв!

Бум-м-м!

Дракон и бомбы детонировали одновременно. Взрывная волна подняла тучи грязи и пар над водой, застилая всё вокруг чёрным дымом. Тоби, опомнившись, увлёк Кисаме назад, накрыв обоих формой неосязаемости. Они приземлились в десятках метров от места взрыва. Дейдара снизил свою глиняную птицу и сбросил прямо к их ногам новый комок глины, который с громким хлопком разросся в двухместную птицу.

— Я видел трёх шиноби Листа неподалёку! Старик Дзираяя ведёт их сюда! — крикнул Дейдара.
— Они будут здесь через минуту, валим!

— Весьма своевременно, — оскалился Кисаме. Затем он обеспокоенно посмотрел на замершего спутника: —... Господин Тоби?

Тоби не слышал их. Он неотрывно смотрел в эпицентр взрыва. Чёрный дым постепенно рассеивался, и сквозь него проступали синеватые вспышки молний. Там, в самом очаге, кто-то стоял.

— Они здесь! — слева затрещали кусты, и на берег выскочил Дзираяя. Окинув сцену быстрым взглядом, Саннин нахмурился: — Акацуки!

— Пошли! — гаркнул Дейдара.

— Простите за грубость, господин Тоби! — Кисаме подхватил Тоби за оставшуюся левую руку и закинул его на спину глиняной птицы.

Дзира́йя, опасаясь за жизнь Мидзукаге, не стал преследовать их атакой. Птицы взмыли в небо, набирая высоту.

А внизу дым окончательно рассеялся.

Того, кто стоял на воде, уже трудно было назвать живым человеком. От его тела остался лишь остов: правое плечо, рука и ноги. Голова и вся левая половина туловища были полностью уничтожены взрывом. За его спиной массивные Множественные стены из грязи защищали от ударной волны бессознательную Мидзукаге — синий эшелон молний на камне погасил часть урона от глиняных бомб.

Тоби смотрел вниз, не в силах оторвать взгляда от этого тела.

Из ран не шла кровь. Вместо этого тысячи мелких, серых бумажных пепелинок со свистом сходились к развороченной плоти, заново сплетая кости, мышцы и кожу. На глазах у улетающих Акацуки тело полностью восстановилось. Выросла левая рука. Сформировалась голова.

Родилась заново знакомая родинка у уголка губ. Поверх неё скользнул тёмно-синий матерчатый маска-шарф. Проявился шрам на левом глазу. Восстановились ёжиком стоящие серебряные волосы.

И перед самым тем, как скрыться за облаками, Утиха Обито встретился взглядом с его левым глазом.

С Шаринганом воскрешённого Хатаке Какаси.

<http://bllate.org/book/19560/1933745>